

Олег
Табakov

3/III-88

Искусство за рубежом

Олег Табаков об Авиньонском фестивале

АВИНЬОН. (Соб. корр. «Известий»). Московский театр-студия, возглавляемый О. Табаковым, показал на Авиньонском фестивале пьесу М. Булгакова «Полоумный Журден», которая была тепло встречена публикой. Поздно ночью после премьеры за кулисами (а пьеса идет в часовне бывшего монастыря) среди костюмов и бутафории мы беседовали с народным артистом СССР О. П. Табаковым.

— С большой завистью смотрю я на этот удивительно серьезно и прекрасно подготовленный фестиваль, — говорит Олег Табаков. — Это самый престижный и наиболее представительный театральный смотр Европы. Авиньонский фестиваль — волшебный базар театральных идей, где каждый может найти себе «товар» по своему достатку и разумению. Наконец, впечатляет и его неофициальная параллельная программа, которая дает возможность 350 театральным труппам оповестить мир о своем существовании. Даже если из них утвердятся в дальнейшем пять — семь, это уже будет хорошо.

Авиньонский форум вызывает у меня глубочайшее уважение и желание организовать и у нас нечто подобное, — продолжает Олег Табаков. — Разумеется, нужны серьезные усилия, но у нас есть люди, любящие театр.

— Что нового было на фестивале в плане идей?

— Поскольку я посмотрел всего несколько спектаклей, хотелось бы проявить сдержанность и не впадать в излишний оптимизм. Вместе с тем мне приходилось здесь слышать не раз, что ветер театральных новаций дует с востока. Я видел, с каким тревожным напряжением смотрели здесь постановку А. Васильева по пьесе Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора». К советскому театру на Западе сейчас проявляют искренний интерес, который невозможно было представить еще три года назад. Конечно, это объясняется новыми процессами, происходящими в нашей стране, но и не только. На Западе понимают, что все мы взаимосвязаны, и не только

договорами, а представляем собой единое человеческое сообщество. В Авиньоне я убедился в том, что зрители и театральные деятели хотят узнать, что мы делаем, над чем работаем.

— Так что же мы можем дать западному театру и западной культуре в целом?

— Наверное, то, что я назвал бы социальным оптимизмом. Мы не потеряли веру в то, о чем говорил Достоевский, — «красота спасет мир». Но надо сказать и в целом о нашей театральной культуре, системе Станиславского, о высочайшем мастерстве советских актеров, их умении выкладываться, щедро тратить себя.

— Перефразируя поэта, наверное, можно сказать, что «театр в России больше, чем театр»?

— Вы совершенно правы. На Западе, и в частности во Франции, духовного гражданского подъема, такого, скажем, какой я испытал на спектаклях Л. Додина «Дом», «Братья и сестры», я почти не встречал. Знаю, что нынешней осенью эти пьесы будут показаны в Париже. Как их встретят французы?..

— В Париже существует Театр Европы, на сцене которого выступают иностранные труппы. Советские режиссеры ставят пьесы на Западе, западные — в СССР. Идет ли процесс интернационализации театра?

— Театр может быть интернациональным только, если он глубоко национален, если исследует свои боли и печали, а организовывать интернационализм — это от лукавого. Стремиться видеть и знать друг друга, понимать — вот что важно, чтобы театр жил и развивал интернациональные чувства.

МОСКОВСКИЙ
ТЕАТР-СТУДИЯ

3 АРТ 1988

890